

*Е.А. Вишленкова (Москва)***Классика в классах: об А.В. Полетаеве**

21 сентября 2010 года друзья и коллеги попрощались с Андреем Владимировичем Полетаевым. Ему было всего 58 лет и ничто ранее, казалось, не предвещало его стремительного ухода.

Те, кто вспоминал его в тот день, говорили как будто сразу о нескольких людях – но еще и об интенсивности, широкомасштабности и насыщенности жизни талантливого ученого, о целом поколении его ровесников, прошедших через сломы и разломы российской истории. Экономисты из Высшей школы экономики, Всемирного банка развития, из Института мировой экономики и международных отношений (бывшего «Института Варги») скорбели о близком друге, стратегически мыслящем организаторе науки, блестящем экономисте. Уже в 37 лет, после успешной защиты докторской, он возглавил в конце 1980-х сектор ИМЭМО, в шутку получивший в близком кругу имя Фернана Броделя. Вспоминали и о его ярких учениках, об уникальном проекте, достойном деятельности целого института – собранной им статистике экономического развития послевоенного Советского Союза. Кто-то говорил о безвременно ушедшем социологе знания, который блестяще анализировал состояние отечественного интеллектуального сообщества и смог объединить вокруг себя представителей разных направлений становящейся у нас отрасли науки. Звучали слова об уходе уникального эксперта, аналитика, специалиста по статистике.

Для специалистов же по изучению прошлого Андрей Полетаев был в первую очередь автором фундаментальных исследований по теории исторической науки, написанных совместно с Ириной Савельевой книг «История и время: в поисках утраченного» (1997), «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю» (2008), а также двухтомного издания «Знание о прошлом: теория и история» (2003–2006). Историки активно используют эти издания для конструирования собственных исследовательских рамок, цитируют их в своих публикациях.

Пришедшие люди явно плохо знали друг друга и, вероятно, весьма фрагментарно понимали суть вклада Андрея Полетаева в развитие других дисциплин. Но все сознавали, что потеряли уникального ученого, который в силу широчайшей эрудиции и причастности к разным исследовательским сообществам мог браться за изучение пограничных тем и ставить научные проблемы там, где их еще никто не видел.

Изучение классики – одна из последних тем исследований Андрея Владимировича. В ней как нельзя более полно проявился особый стиль его научного творчества: энциклопедическая образованность и способность обнаруживать общие интеллектуальные структуры в самых разных дисциплинах, не поддаваясь в то же время соблазну чрезмерных интердисциплинарных обобщений.

В данной статье, написанной Ириной Савельевой и Андреем Полетаевым для «Cogito» почти сразу после завершения проекта «Классика и классики» (2009) и выхода их последней совместной книги «Классическое наследие» (2010), авторы обратились к анализу дисциплинарных функций классики в социальных науках. Их рассуждения на эту тему опираются, с одной стороны, на результаты американских дебатов о литературном каноне, а с другой – на материалы западной социологии науки.

Разразившиеся в начале 2000-х годов споры американских филологов утвердили видение канона в качестве соглашения об интеллектуальных продуктах, принципах их сортировки и использования для проведения культурных границ. С тех пор в списке обязательной для чтения литературы исследователи видят доминирующее мировоззрение или систему ценностей, посредством которых читатели мобилизуются в культурное или профессиональное сообщество. В таком виде история канона предстала историей политики чтения, письма и видения.

Авторы данной статьи использовали те исследования по социологии науки, которые сосредоточены на способах удержания

дисциплинарных границ и основаны на данных библиометрического анализа (статья включает список соответствующих работ по данной теме). К сожалению, проблематика и выводы этих работ мало известны отечественному читателю. Вводя их данные в научный оборот (а в отношении экономики дополняя их оригинальными исследованиями учебных курсов), Ирина и Андрей проанализировали содержание и функции классики для социологии, экономики и психологии. «Классические» работы в области социальных наук они определяют по следующим признакам: 1. корпоративного соглашения («считаются/ называются таковыми»), 2. нормативности («изучаются в процессе обучения»); 3. актуальности («в явном виде используются»). В этой типизации видно признание рукотворной природы классического наследия. А его функцию в науке они увидели в формировании когнитивной рамки, в переутверждении профессиональных ценностей и исследовательских стандартов.

«Классика» позволяет воспроизводить парадигмы мышления и в этом смысле она оказывает влияние на современное состояние науки. Неизменно смена парадигм начинается или сопровождается пересмотром корпуса классических имен и текстов. Воспитательный эффект признанных таковыми работ связан с тем, что они показывают читателям, как надо делать науку, а не с тем, что они содержат готовое знание. И поскольку корпус классики неоднороден, его освоение позволяет увидеть меняющиеся русла развития специальности. Вероятно, это порождает у студента психологическую готовность к выходу за пределы дисциплинарной нормы. Наконец, классика удерживает конфигурацию дисциплины. По сути, её границы образованы работами и идеями коллективно упоминаемых ученых. Соответственно, их знание – необходимый элемент научной интеграции неопита. Благодаря этим знаниям, он обретает возможность определить себя в созданной его старшими коллегами научной традиции.

Данная работа проблематизирует учебный механизм дисциплинарного самосохранения социальных наук (посредством лекций, учебников, списков рекомендуемой литературы, в которых создается славное прошлое специальности). Именно там из имен, текстов, концепций и понятий образуется зона сгущения («ядро») и зона рассеивания («передовая линия»). Вероятно, их соотношение может служить более релевантным показателем состояния социальной дисциплины, чем индекс цитирования и прочие критерии, взятые из естественнонаучной области. Много лет поиск такого показателя(ей) занимал мысли Андрея.